

Книжная рецензия

УДК 008

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-179-183>

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОБРОЛЮБОВ: РОССИЯ И ИТАЛИЯ В ЖИЗНИ ИЗВЕСТНОГО КРИТИКА

Ирина Владиславовна Толоконникова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ivtol@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8222-8321>

Добролюбов Н.А. Дети Везувия: публицистика и поэзия итальянского периода / Н. А. Добролюбов; ред.-сост. М. Г. Талалай. — СПб.: Алетейя, 2022. — 424 с. — (Италия — Россия).

О Николае Александровиче Добролюбе — русском литературном критике и публицисте — написано немало научных трудов. Однако его творчество, как впрочем и его образ, по сей день нередко воспринимается односторонне, в духе стихотворения Н.А. Некрасова «Памяти Добролюбова», созданного в 1864 г.:

*Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.*

*Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил...*

Правда, впоследствии Некрасов сопроводил стихотворение характерным примечанием: «Надо заметить, что я хлопотал не о верности факта, а старался выразить тот идеал общественного деятеля, который одно время лелеял Добролюбов».

И это ему удалось. Идеал общественного деятеля, представленный в стихот-

ворении, прочно сросся с образом критика: убеждённый борец за справедливость, твёрдый, решительный, умевший «рассудку страсти подчинять», лишённый не только слабостей, но и простых человеческих чувств. Однако реальный Добролюбов был не только революционно-демократическим публицистом, но и талантливым поэтом-сатириком, остроумным пародистом, душой выходившего при «Современнике» литературно-сатирического приложения «Свисток»; выступал как переводчик (в частности, переводил Гейне); писал серьёзные философские стихи (наиболее известно «Милый друг, я умираю...»). Этот перечень граней таланта великого критика можно продолжать, что и делает автор книги «Добролюбов Н.А. Дети Везувия: публицистика и поэзия итальянского периода» М.Г. Талалай. Добролюбов представлен здесь как многогранная личность и самобытное культурное явление, которое изучено явно недостаточно (особенно касается итальянского периода его жизни и творчества). «Суровый критик» предстаёт в непривычном для читателей ракурсе: это не только яркий мыслитель, но и пылкий влюблённый, легкомысленный юноша, вдохновлённый природой Италии, её богатым культурным наследием, любимой девушкой.

Напомним: Николай Александрович отправился в Италию, чтобы поправить пошатнувшееся здоровье. Поездку ему настоятельно рекомендовали соратники по журналу «Современник». В книге подчёркивается — «добролюбовские места» Нижнего Новгорода и Петербурга хорошо изучены, чего нельзя сказать о «добролюбовских местах» Италии. Но ведь именно в Италии он жил в последний год своей жизни (с декабря 1860 г. по июль 1861 г.), здесь нашёл свою любовь. И какие города: Флоренция, Рим, Милан, Неаполь, Мессина...

В рецензируемом сборнике не только прокомментированы итальянские реалии, отражённые в творчестве Добролюбова. Здесь впервые собраны вместе все прозаические и поэтические произведения, написанные им в течение итальянского периода, незадолго до безвременной кончины

(ранее письма Добролюбова из Италии частично вошли в 9-й том полного собрания сочинений, а его итальянские стихи — в 8-й том).

В итальянских стихах Добролюбова раскрывается иная, незнакомая читателю, — лирическая, — сторона его натуры: например, показана его любовь к итальянской девушке Ильдэгонде Фиокки, его горячее желание связать с ней свою судьбу. Однако молодые люди расстались, чему есть несколько объяснений. Первое состоит в том, что, согласно этикету, Добролюбов не мог направить брачное предложение самой Ильдэгонде. В силу разных причин (об этом подробно рассказано в книге) девушка узнала о нём намного позже, чем могла, но ответила сразу же — опять же, согласно этикету, через сестру. Ответ был благожелательным: «русский “жених” ей симпатичен, её сердце никем не занято, но надо познакомиться поближе и развеять возможные сомнения» (с. 386–387). Итак, семья Фиокки не была против этого брака, но Добролюбов истолковал их долгое молчание как отказ.

Томившийся неизвестностью Добролюбов долго ждал ответа в Неаполе — но так и не дождался. Он писал в Россию, спрашивая у своего старшего товарища — Н.Г. Чернышевского — одобрения на брак с иностранкой и на тихую семейную жизнь в каком-нибудь уголке Италии. Однако тот молчал, вероятно недовольный подобной перспективой, грозившей утратой «Современником», блестящего сотрудника (хотя и отказать своему другу и соратнику он тоже не мог). Молчание Чернышевского лишило Николая Александровича возможности действовать решительно (см. с. 387).

Добролюбова ждали в Петербурге. Молодого человека обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, скорбь о судьбах родины. Он понимал, что нужен в России. С другой — желание «отказаться от образа сурового критика» (с. 14), быть среди людей, «с которыми легко живётся, весело проводится время, людей, к которым тянет беспрестанно — не за то, что они представители высоких идей, а за них самих, за их милые, живые личности» (с. 14).

В итоге в состоянии полной неопределённости он решил вернуться в Петербург. Возможно, именно в этот период Добролюбов оставил мысли о женитьбе, оценив все практические сложности брака с итальянкой, да ещё при языковом барьере. Ведь он в действительности почти ничего не знал об этой девушке.

Ситуация чем-то напоминает повесть И. С. Тургенева «Ася»: не сказанное вовремя слово обрекло уже почти совсем счастливого человека на судьбу «бессмейного бобыля». Правда, в связи с безвременной кончиной (вернувшись в Россию, Добролюбов меньше, чем через полгода, умер) он не успел эту судьбу испытать. Но успел написать грустное стихотворение — «Зачем меня отвергла ты...»:

*Зачем меня отвергла ты,
Одна, с кем мог быть я счастливым, —
Одна, чьи милые черты
Ношу я в сердце горделивом?
А впрочем, может, — как решить? —
За то лишь суетной душою
И не могу тебя забыть,
Что был отвергнут я тобою?*

Вина за несостоявшийся брак была возложена на возлюбленную (с. 388). В итоге Добролюбов решил полностью и окончательно посвятить себя служению «общему делу», придя к выводу, что оно несовместимо с тихой семейной жизнью в Италии. Кроме того, Добролюбов так и не смог найти своего высокого идеала. Он хотел, чтобы его любимая женщина не только разделяла его чувства и мысли — она должна читать вместе с ним его произведения. Однако Ильдегонда не знала русского языка и читать их не могла. Возможно, со временем, выучив русский язык... Но история не знает сослагательного наклонения.

* * *

Произведения, вошедшие в сборник, очень разнообразны по жанрам: среди них есть публицистика, репортаж, политический анализ, лирические стихи, сатира, пародия, памфлет. Первую часть книги составляют очерки «Неаполь» и «Турин». Они

отражают глубокий интерес Добролюбова к яркой эпохе объединения и модернизации Италии (Рисорджименто).

«Во времена Николая Добролюбова лоскутный характер Италии, её разнородность была ещё более явственной: тут существовало более десятка больших и малых государств» (с.18). Современные историки окончательно выделили в историографии эпохи Рисорджименто («Возрождение») «две главные составляющие: одну можно условно назвать народной, с Гарибальди во главе, другую — правительственной, возглавленной Кавуром. В этих двух течениях есть и географические символы: *Неаполь*, столица южно-итальянского королевства, взятая после героического похода по Итальянскому Югу отчаянных гарибальдийцев-волонтеров, и *Турин*, с его министерскими кабинетами и парламентскими кулуарами, где в уютной обстановке готовились договоры, указы, плебисциты, альянсы и проч.» (с. 19).

Неаполь, с его бурной народной жизнью, был намного интереснее и привлекательнее для Добролюбова, чем буржуазный Турин. Турин ему был скучен, и он при первой возможности покинул город. Неудивительно, что неаполитанские очерки занимают больший объём в сборнике, чем туринские. Интересно, что, когда Добролюбов писал об Италии, он думал о России и «мечтал о её коренном изменении — в сторону интеллектуальной и личной свободы, в сторону просвещения и освобождения народа (напомним, что статья писалась, когда в России ещё существовало крепостное право)» (с. 21).

Вторая часть — стихи, написанные в Италии. Они, в свою очередь, делятся на лирические и сатирические. В лирических стихах «русский литератор выражает свою преображённую Италией душу и новые, личные, надежды, в то время как сатирические стихи под личиной австрийского барда продолжают многие сюжеты публицистики» (с. 34).

Как и в очерках, Добролюбов писал об Италии, но думал о России. С одной стороны, он восхищался тем, что видел, а с другой, его не покидало состояние тревоги,

горьких размышлений о будущем, в частности в стихотворении «Нет, мне не мил и он, наш север величавый...».

*Брожу я, как мертвец на празднике весёлом,
У моря тёплого, под небом голубым.
Брожу и думаю о родине далёкой,
Стараясь милое припомнить что-нибудь...*

...

*Страдаю я и здесь. Чего же мне искать
В моей нерадостной, неласковой отчизне?
Там нет моей любви, давно в могиле мать,
Никто там обо мне с любовью не вздыхает,
Никто не ждёт меня с надеждой и тоской.*

При этом «в современной Италии очерки Добролюбова о Рисорджименто считаются образцом новаторства, смелости, язвительной иронии» (с. 4).

В сборнике прекрасный справочный аппарат. Книга снабжена иллюстративным материалом, факсимиле. На обложке книги — картина «Добролюбов в Италии» (1985) заслуженного художника России Н.П. Величко (1932–1992) из собрания Государственного литературно-мемориального музея Н.А. Добролюбова (публикуется согласно любезному разрешению Музея). Художник стремился передать душевные переживания своего героя: «Эта сложная душевная коллизия передана в акварели тем, что работа навеивает печаль, несмотря на обилие зелени и сочность красок, присутствующих в природе Италии. В Италии Николай Александрович чувствовал себя не “суровым критиком”, а молодым человеком,

небезответно влюблённым. Добролюбов изображён во весь рост, его поза и лицо полны задумчивости. Взгляд Добролюбова не скрыт привычными очками, даже причёска выглядит иначе, весь облик дышит свободой и романтизмом, адресуя нас к романтическим портретам итальянских юношей. И в то же время это фигура человека старше своих лет, измученного болезнью. Его потухший взгляд, матовая бледность лица, исхудалые черты — всё говорит о том, что смерть стоит на пороге. И не случайно художник одновременно показал русского литератора сосредоточенным, ушедшим в себя, что подчёркивает не покидавшее его в то время состояние тревоги, горьких раздумий о будущем, отразившееся прежде всего в лирических стихотворениях и письмах того периода» (с. 7).

Пребывание Добролюбова в Италии — важная страница истории русско-итальянских культурных связей, но, к сожалению, мало исследованная. Конечно же, она далеко не исчерпывается настоящим изданием, но монография является существенной вехой её изучения.

Сборник М.Г. Талалая «Добролюбов Н. А. Дети Везувия: публицистика и поэзия итальянского периода» — очень информативная и полезная книга, предназначенная как для исследователей российской литературы и журналистики, так и для студентов и преподавателей гуманитарных факультетов. Её издание можно только приветствовать.

UNKNOWN DOBROLYUBOV: RUSSIA AND ITALY IN THE LIFE OF THE LITERARY CRITIC

Irina V. Tolokonnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ivtol@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8222-8321>

Dobrolyubov, N. A. (2022) *Deti Vezuviya: publitsistika i poeziya ital'yanskogo perioda* [Children of Vesuvius: journalism and poetry of the Italian period]. Edited by M. G. Talalay. Saint Petersburg: Aleteia Publ.

Abstract. Many of the numerous works devoted to Nikolay Alexandrovich Dobrolyubov, a prominent Russian literary critic and journalist, regard him from a perspective similar to the one expressed in N. A. Nekrasov's poem in the memory of N. A. Dobrolyubov. They view the critic as intellectual, ascetic, and dispassionate – an exemplar of a public figure. This poetic image has become strongly associated with Dobrolyubov's personality, yet Dobrolyubov was much more than that: a witty satirizer, talented translator, author, and poet. M. G. Talalay's book on Dobrolyubov's *Italian period* depicts the distinguished critic not only as a versatile author, but also as a cultural phenomenon. The book gives an unusual perspective: Dobrolyubov is not only a bright thinker, but also an ardent lover, a frivolous young man, inspired by the nature of Italy, its rich cultural heritage, and his beloved girl. The trip to Italy was strongly recommended to Nikolai Alexandrovich by his colleagues at the *Sovremennik* magazine. He went to Italy to improve his failing health and spent the last year of his life in picturesque Florence, Rome, Milan, and Naples. The works included in the collection are very diverse in genre among them are journalism, reportage, political analysis, lyric poetry, satire, parody, and pamphlet. The reviewed book provides annotation to Dobrolyubov's works written in Italy. Here for the first time are collected together all the prose and poetic works Nikolay Alexandrovich wrote in Italy. Lyric poetry of the period is marked by his love to an Italian girl: he was torn by the desire to start a family life abroad and to continue his work in the magazine. His Motherland needed him, and Dobrolyubov chose to return to Saint Petersburg. Six months later, his untimely death put an end to his desire to serve the common cause. Dobrolyubov's stay in Italy is an important page in the history of Russian-Italian cultural relations, but, unfortunately, little studied. Of course, it is far from being exhausted by this publication, but the monograph is a significant milestone in its study. The collection of M. G. Talalay *Dobrolyubov N. A. Children of Vesuvius: Journalism and Poetry of the Italian Period* is a very informative and useful book intended both for researchers of Russian literature and journalism, and for students and teachers of humanities faculties. Its publication is highly welcomed.

Информация об авторе

Ирина Владиславовна Толоконникова — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 125009, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 1 (Россия)

Information about the author

Irina V. Tolokonnikova — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009 (Russia)